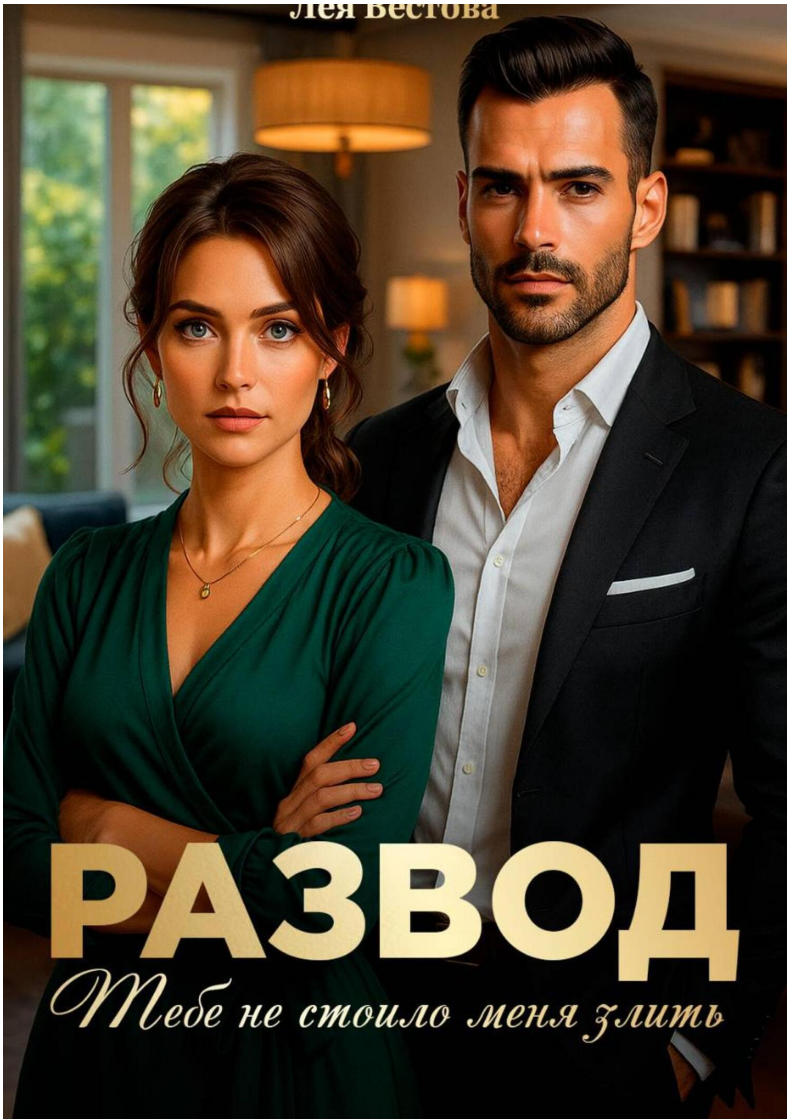

Лея Вестова
РАЗВОД
Тебе не стоило меня злить

Лея Вестова

Развод. Тебе не стоило меня злить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72688360
SelfPub; 2025

Аннотация

– Я заберу у тебя дочь! – выкрикнул он, хватая меня за руку, когда я попыталась пройти мимо.

Его пальцы больно впились в кожу, наверняка останутся синяки. Но страшнее физической боли были его слова – они ударили под дых, выбивая воздух из лёгких. Мгновение паники – ледяной, парализующей – сменилось такой яростью, какой я никогда в себе не знала.

– И что ты с ней будешь делать? – я презрительно хмыкнула, высвобождая руку. – Ты, который не помнит, в какой группе она в саду? Который не знает, какие лекарства ей можно, а какие нельзя? Который ни разу не был на родительском собрании?

Я подхватила чемодан, чувствуя, как каждая мышца напряглась от тяжести. Физической и эмоциональной.

– Только попробуй, – прошипела я, обжигая его гневным взглядом. – Только попробуй отнять у меня дочь, и я уничтожу тебя. Клянусь, ты пожалеешь, что родился.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лея Вестова
Развод. Тебе не стоило меня злить

Глава 1

Монитор моего компьютера внезапно погас, погрузив в темноту открытые документы и недописанное письмо. Я растерянно нажала несколько клавиш – безрезультатно. Система не отвечала. А через мгновение за моей спиной раздался холодный голос Андрея Михайловича.

– Елена Сергеевна, пройдёмте в мой кабинет.

Я медленно обернулась. Начальник возвышался над моим столом, как мрачная тень, его обычно приветливое лицо застыло неподвижной маской. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие – я догадывалась, что сейчас произойдёт. Вчерашнее письмо о рисках нового договора поставки, которое я расписала по пунктам, бесследно исчезло из почты. Системный администратор Павел старательно отводил глаза, когда я проходила мимо его стола – всё стало предельно ясно.

В просторном кабинете Андрея Михайловича царила душная атмосфера. Кондиционер работал вполсилы, словно

задыхался от напряжения, витавшего в воздухе. На массивном столе красного дерева лежал одинокий лист бумаги.

– Присаживайтесь, – он указал на кожаное кресло для посетителей. – Думаю, вы понимаете причину нашего разговора.

– Не совсем, Андрей Михайлович, – я постаралась, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё дрожало от возмущения.

– Вот заявление об увольнении по собственному желанию, – он пододвинул ко мне лист. – Подпишите, и разойдёмся по-хорошему.

Его глаза были холодны и пусты, как у змеи перед броском. Я знала истинную причину происходящего – Марина, его любовница из бухгалтерии, которой я, не подозревая об их связи, поручила разбор старых договоров. Рутинная работа, которую должен кто-то выполнять. Откуда мне было знать, что она привыкла получать зарплату просто так?

– А если я откажусь? – тихо спросила, глядя ему прямо в глаза.

– Тогда мы найдём другие основания. У вас ведь был серьёзный промах с последним договором поставки? – он улыбнулся краешком губ. – Тот самый, о котором вы пытались предупредить. Жаль, письмо куда-то… затерялось.

Руки предательски дрожали, когда я выводила подпись. Ещё три месяца назад я была так счастлива, получив должность руководителя договорного отдела. Строила планы,

мечтала о карьерном росте. Теперь всё рушилось из-за чьей-то прихоти и ревности. Генеральный директор на больничном – пожаловаться некому.

– Служба безопасности проводит вас, – Андрей Михайлович нажал кнопку на селекторе. – Не беспокойтесь, личные вещи вам помогут собрать.

Молчаливый охранник наблюдал, как я складываю в картонную коробку немногочисленные личные вещи. Фотография мужа улыбалась мне с рабочего стола – последняя, где мы были действительно счастливы вместе. Коллеги провожали сочувственными взглядами, но никто не решался подойти. Страх сильнее солидарности.

– Пропуск оставьте на ресепшн, – бросил охранник, когда мы дошли до выхода.

Такси ехало медленно, или мне так казалось. Водитель что-то говорил о пробках и погоде, но я не слышала. В голове крутились обрывки фраз, недосказанные аргументы, которые теперь потеряли всякий смысл.

Ключ в замке повернулся беззвучно. В квартире играла музыка – странно, Костя должен быть в офисе. У порога стояли изящные женские туфли. Сердце пропустило удар, когда я услышала знакомый смех из спальни, и другой – женский.

Дверь открылась от лёгкого толчка. Костя вскочил с кровати, путаясь в простыне. Его секретарша – кажется, Ирина – прикрывалась одеялом, её лицо пылало от смущения.

– Лена, подожди! Это не то, что ты думаешь! – крикнул

Костя мне вслед.

– А что я должна думать? – я развернулась, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. – Что вы тут в шахматы играете?

– Давай поговорим, – он сделал шаг ко мне, всё ещё держась за простыню. – Я могу всё объяснить…

– Не утруждайся, – я развернулась и вышла, захлопнув за собой дверь.

Ноги сами понесли меня к парку напротив дома. Тому самому, где мы с Костей часто гуляли вечерами, строили планы на будущее. Теперь эти воспоминания отдавали горечью.

Села на скамейку – нашу любимую, под старым клёном. Первые слёзы упали на руки беззвучно, горячо. Телефон в сумке надрывался от звонков – наверное, Костя. Или с работы – может, что-то забыла. Какая теперь разница?

Мимо проходили люди – с собаками, с детьми, влюблённые парочки. Все куда-то спешили, у всех были свои истории. А я сидела, оцепеневшая, и смотрела на опадающие листья. Осень. Как символично.

– Простите, у вас всё в порядке? – раздался рядом участливый женский голос.

Я подняла глаза. Передо мной стояла пожилая женщина с добрым морщинистым лицом.

– Да, спасибо, – попыталась улыбнуться, но губы дрожали. – Просто… тяжёлый день.

– Бывает, милая, – она присела рядом. – Знаешь, моя бабушка всегда говорила: «Всё, что ни делается – к лучшему.»

Я горько усмехнулась:

– К лучшему? За один день потеряла работу, мужа, веру в людей. Какое уж тут лучшее?

– А ты подумай, – она мягко коснулась моей руки. – Может, это знак, что пора начать что-то новое? Иногда жизнь отнимает у нас привычное, чтобы освободить место для чего-то важного.

Небо затянулось тучами. Начал накрапывать дождь, но я не двигалась с места. Женщина ушла, оставив после себя странное чувство умиротворения. Телефон снова завибрировал – мама. Сбросила вызов. Не могла сейчас говорить, не была готова объяснять.

Капли дождя смешивались со слезами. В промокшей насквозь блузке становилось холодно, но это даже радовало – физический дискомфорт отвлекал от душевной боли. Достала из сумки телефон, пролистала контакты. Подруги, коллеги, родные – кому позвонить? Кто поймёт? Кто не осудит?

– Девушка, вы бы домой шли, – окликнул меня проходящий мимо охранник парка. – Дождь усиливается, простудитесь.

– Спасибо, сейчас пойду, – кивнула я, но осталась сидеть.

Мысли путались. Вспоминала, как познакомилась с Костей, нашу свадьбу, его слова о вечной любви. Какой же наивной я была! Вспоминала, как радовалась повышению, как строила планы по улучшению работы отдела. Смешно. Система не терпит тех, кто пытается что-то менять.

Небо окончательно потемнело. Нужно было идти… но куда? Домой не хочу. Уехать к родителям – не готова к расспросам. В гостиницу? Съёмную квартиру?

Достала из сумки помятую копию заявление об увольнении. Бумага размокла от дождя, чернила расплылись. Скомкала листок, бросила в урну. Взглянула на часы – скоро нужно забирать Алинку из детского сада.

Алина… Мысль о дочери словно придала сил. Я не могла позволить себе раскиснуть. У меня есть ради кого жить, ради кого бороться. В голове начал складываться чёткий план действий: подать на развод, найти съёмную квартиру – на первое время хватит накоплений, а потом… Потом обязательно найдётся новая работа. С моим опытом это вопрос времени.

Поднялась со скамейки, расправила плечи. Дождь почти прекратился, оставив после себя свежесть и прохладу. Достала из сумочки зеркальце, привела в порядок макияж. Натянула на лицо улыбку – дочка не должна видеть мою боль. Она и так скоро узнает об изменениях в нашей жизни.

– Ничего, – прошептала сама себе, направляясь к детскому саду. – Мы справимся. Главное – мы есть друг у друга.

Глава 2

– Алин, солнышко! – я постаралась, чтобы голос звучал максимально беззаботно, обнимая дочь у входа в детский сад. – У меня для тебя сюрприз!

Она стояла в раздевалке, такая трогательная в своём голубом платьице с оборками, которое уже было чуть помято после дневного сна. Светлые волосики растрепались, образуя пушистый ореол вокруг разрумянившегося личика.

– Какой? – её глаза загорелись любопытством, пока я застёгивала пуговицы на её курточке и поправляла съехавший набок бантик.

– Мы едем в гости к тёте Наташи! Устроим настоящий девичник со Светой!

– Ура! А папа? – невинный вопрос больно кольнул сердце.

– Папа сегодня занят, милая. Зато мы, девочки, повеселимся!

В такси Алина щебетала без умолку, рассказывая о прошедшем дне в саду, о том, как они рисовали осенние листья и учили новое стихотворение. Я механически кивала, стараясь удержать на лице улыбку. Телефон молчал – ни одного звонка от Кости.

Наташа встретила нас у подъезда, её тёплая улыбка немного согрела озябшую душу. Один взгляд на моё лицо – и она всё поняла, но виду не подала.

– О, какие гости! – она подхватила Алинку на руки. – А мы со Светланкой как раз пиццу собирались делать. Поможете?

В прихожей Наташа достала для Алины старый Светин спортивный костюм с забавными котятами – «чтобы не испачкать платье». Девочка с восторгом переоделась, чувствуя себя совсем взрослой в «пижамке как у Светы».

Кухня наполнилась уютными запахами и звуками. Подруга включила детские песенки, и девочки, подпевая, раскатывали тесто маленькими скалками. Их ручки были перепачканы в муке, а на носу у Алины красовалось белое пятнышко. Они старательно выкладывали кружочки ветчины, маслины, посыпали всё сыром, который таинственным образом оказывался не только на пицце, но и на столе, и даже на полу.

– Самая вкусная пицца в мире! – объявила Света, когда мы наконец достали из духовки наше кулинарное творение.

После пиццы были яблоки, порезанные звёздочками, и горячий какао с маршмеллоу, от которого у девочек появились забавные «усы». Они хихикали, вытирая друг другу шоколадные следы салфетками.

– Тётя Лена, а давайте в фанты играть! – предложила Света после ужина.

Мы написали задания на маленьких бумажках: «спеть песенку», «изобразить животное», «станцевать», «рассказать стишок». Алинка хохотала до слёз, когда я, вытянув фант, изображала обезьянку, прыгая по комнате и почёсывая бока.

Наташа с серьёзным видом читала «Муху-Цокотуху», стоя на одной ноге. Девочки показывали балетные па, кружась в импровизированных пачках из полупрозрачных штор.

Когда пришло время сна, мы расстелили в детской большой надувной матрас. Света поделилась с Алиной своей любимой пижамой в единорогов, немного великоватой, но от этого ещё более уютной. Девочки, уставшие от впечатлений, уснули почти сразу, держась за руки.

Мы с Наташей устроились на кухне. Она молча достала бутылку красного вина и две свечи в старых медных подсвечниках.

– Рассказывай, – тихо произнесла она, наполняя бокалы.

И я рассказала – про увольнение, про Костину измену, про то, как рухнуло всё в один день. Голос дрожал, но слёз уже не было. Только пустота внутри и тяжесть в груди.

– Наташ, нет у тебя знакомых, кто квартиру сдаёт? Нам с Алиной нужно где-то жить…

– Ты с ума сошла? Живите у меня, сколько нужно, – она сжала мою руку. – А с квартирой поспрашиваю, конечно. Только… может, с Костей поговорить стоит? Всякое в жизни бывает, может, кто-то его…

– Сбил с толку? – я горько усмехнулась, делая глоток вина. – Его постоянно что-то сбивает с толку, Наташ. То он забудет за интернет заплатить, то Алинку из сада забрать. То оденет её в лёгкую курточку в холод, сам при этом в пуховике ходит. Я устала тащить всё на себе – дом, быт, ребёнка. А

сегодня… – голос сорвался. – Я шла домой, надеялась найти поддержку, а нашла…

Подруга молча обняла меня, и мы просидели так несколько минут. Свечи отбрасывали причудливые тени на стены, где-то за окном шумел ночной город.

– Завтра я отпрошусь с работы пораньше, – наконец сказала она. – Поможем вам вещи забрать.

– Спасибо, но я сама. Схожу, пока он в офисе.

Ночь я провела на диване рядом с посапывающей Алиной. Сон не шёл. В голове крутились тревожные мысли: как сказать дочери, что мы больше не вернёмся домой? Как найти новую работу? Хватит ли накоплений на первое время? Что скажут родители? А вдруг Костя начнёт претендовать на опеку? От последней мысли к горлу подступала тошнота.

Я смотрела на спящую дочь – такая маленькая, беззащитная, с разметавшимися по подушке волосами. Она посапывала во сне, иногда чему-то улыбаясь. На щеке остался след от подушки, а к ночной рубашке прилип маленький маршмеллоу. Её мир пока ещё целый, неразрушенный. И я должна сделать всё, чтобы он таким и остался.

Утром Наташа ушла на работу, оставив мне запасные ключи и записку с номером ее знакомого риэлтора. Я отвела Алину в сад, стараясь отвечать как можно беззаботнее на её вопросы о папе и доме. Она не понимала, почему мы не взяли с собой её любимого плюшевого зайца. «Не переживай, солнышко, – сказала я, целуя её в макушку, – сегодня забе-

рём и зайку, и все твои игрушки.»

И теперь я стояла перед дверью нашей… теперь уже его квартиры. Телефон по-прежнему молчал – за всё это время Костя так и не позвонил. Видимо, был слишком занят, придумывая оправдания с той… как её… Впрочем, какая теперь разница?

Глубоко вздохнув, я достала ключи. Нужно просто собрать вещи и уйти. Только бы его не было дома.

Глава 3

Ключ не успел коснуться замочной скважины – дверь распахнулась резко, словно он стоял за ней всё это время, прислушиваясь к звукам на лестничной площадке. Костя возник на пороге так внезапно, что я невольно отшатнулась. Сердце пропустило удар, а потом забилось с бешеной скоростью. Я не была готова к этой встрече, не сейчас, не так скоро.

Он выглядел помятым – несвежая рубашка, щетина, красные глаза. Ничего общего с тем безупречно одетым мужчиной, каким он обычно уходил на работу. Полбутылки виски на журнальном столике, видневшемся в глубине прихожей, объясняли его состояние.

– Лена… – он произнёс моё имя с интонацией, которую, видимо, считал раскаянием. – Я не знал, придёшь ли ты…

Я молча протиснулась мимо него в квартиру, стараясь не вдыхать запах, исходивший от него – смесь перегара, несвежей одежды и едва уловимых женских духов. Желудок скрутило от отвращения. Раньше он пах иначе – свежестью, лосьоном после бритья, тем особенным запахом, который я когда-то любила.

Прошла в спальню, не останавливаясь, хотя каждый шаг отдавался болью. Здесь, в этой комнате, на этой кровати – воспоминание обожгло, как кипяток. Я рывком открыла шкаф и достала большой чемодан, купленный для нашей так

и не состоявшейся поездки в Грецию. Мы откладывали её три года, всё время находя причины: «вот закончу проект», «вот сдам отчёт», «вот Алинка подрастёт»… А теперь уже и не будет её – той мечты о белых домиках на берегу лазурного моря.

– Лен, ну давай поговорим, – начал Костя, опираясь о дверной косяк. – Ты не понимаешь, как всё было на самом деле.

Я продолжала методично складывать вещи – свои и Алинины. Аккуратно, почти педантично разглаживала каждую складку на её любимом платьице в горошек. На секунду задержала в руках крошечную футболку с единорогом, которую мы выбирали вместе, и память услужливо подкинула картинку: Костя, держащий дочь на плечах, смеющийся, пока она пытается дотянуться до игрушки на верхней полке… Нет. Хватит. Я затолкала воспоминание поглубже и положила футболку в чемодан.

– Это всё впервые, клянусь! – Его голос стал громче, настойчивее. – Рита просто попросилась зайти в уборную, мы проезжали мимо дома…

Я фыркнула, не удержавшись, но продолжала молчать. Зашла в ванную, собрала косметичку, Алинину зубную щётку с русалочкой, её шампунь в форме дельфина. Всё это тоже отправилось в чемодан.

– Ты сама виновата! – в его голосе появились истеричные нотки. – Все разговоры только о работе и Алинке. А обо мне

ты когда в последний раз думала? Меня будто и нет для тебя!

Эти слова прорвали плотину моего молчания. Внутри всё словно взорвалось – ярость затопила сознание горячей волной, поднимаясь от живота к горлу, к глазам, застилая взор красной пеленой.

– Что? – я резко развернулась, и Костя невольно сделал шаг назад, увидев выражение моего лица. – Я о тебе не думаю? Я?!

Дрожащими от гнева руками я указала на полку у зеркала – его любимый лосьон, который я заказывала через подругу из Франции. На тумбочку – книга, которую он давно хотел прочесть. На настенный календарь – обведённая красным дата, три недели назад, когда я устроила ему сюрприз.

– Это я приглашаю тебя на свидания, Костя! – мой голос дрожал, поднимаясь почти до крика. – Это я бронирую столики, придумываю, куда пойти! Это я устроила тебе ванну со свечами и шампанским, когда ты пришёл после «важной встречи»!

Он смотрел на меня растерянно, словно видел впервые. И эта растерянность только подливала масла в огонь моего гнева.

– А ты? Ты хоть помнишь, когда в последний раз дарил мне цветы просто так, а не на восьмое марта? Когда говорил комплимент не дежурный, а искренний? Когда последний раз звал в кино, а не я тебя?

Слёзы жгли глаза, но я не позволяла им пролиться. Только

не сейчас, только не перед ним.

– Я устала быть мужиком в нашей семье, Костя! – выплёвывала я слова, словно они жгли мне язык. – Я устала решать все проблемы! Документы на машину – я, налоговая декларация – я, коммунальные службы, сантехники, электрики – всё я!

Я подошла к нему вплотную, чувствуя, как дрожит всё тело от накатившей волны адреналина.

– Помнишь, когда у нас сломались ключи от подъезда? Две недели, Костя! Две чёртовых недели ты не мог дойти до офиса управляющей компании! А у меня бессонные ночи, совещания, проекты, ребёнок – и я всё равно нашла время решить этот вопрос!

Костя отвёл глаза, и в этом жесте я увидела признание поражения. Но было уже слишком поздно.

– А теперь ты стоишь и обвиняешь меня? – мой голос упал до шёпота, что звучало страшнее любого крика. – После того, как я застала тебя в нашей постели с твоей секретаршей, ты смеешь меня обвинять?

Он молчал, разглядывая пол, свои руки – что угодно, только не мои глаза. Эта трусость окончательно поставила точку в истории, которую я все ещё пыталась переписать в своём сердце.

Я вернулась к сборам. Чемодан медленно заполнялся вещами. В детской я аккуратно уложила Алинины игрушки – плюшевого зайца, которого она не могла оставить, любимую

книгу сказок с потрёпанными от частого чтения страницами, пластмассовую музыкальную шкатулку с танцующей балериной. Каждая вещь хранила историю, каждая была частью жизни, которая рушилась на глазах.

Со стены на меня смотрела наша семейная фотография – я, Костя и крошечная Алина, которой тогда было всего полгода. Счастливые улыбки, надежды на будущее, планы, которым не суждено было сбыться. Руки дрогнули, когда я снимала рамку со стены и бережно заворачивала в свитер.

– Что ты делаешь? – Костя снова появился в дверях, его голос звучал почти трезво.

– А на что это похоже? – спросила я, не оборачиваясь. – Забираю наши с Алиной вещи.

– И куда вы пойдёте?

В его тоне сквозила насмешка, от которой внутри всё сжалось. Неужели он действительно думает, что мне некуда идти? Что я буду умолять его о прощении, стоять на коленях, лишь бы не остаться на улице?

– Не твоё дело, – отрезала я. – Я подаю на развод. И на алименты.

– Алименты? – он издал странный звук, что-то среднее между фырканьем и смешком. – На что ты рассчитываешь? На моё благородство?

– Нет, – я наконец повернулась к нему, и что-то в моём взгляде заставило его снова отступить. – На твоё благородство я давно не рассчитываю. На закон – да.

Я защёлкнула чемодан и поставила его на пол. Огляделась – ничего не забыла? Взгляд упал на семейный фотоальбом на полке. Рука потянулась к нему, но я остановилась. Нет. Прошлого не вернуть. Оно останется здесь, в этих стенах, вместе с разбитыми мечтами и преданной любовью.

Костя стоял, загораживая проход, раздражение и злость исказили его некогда красивое лицо. Глаза, которые когда-то светились любовью, теперь горели мстительным огнём.

– Я заберу у тебя дочь! – выкрикнул он, хватая меня за руку, когда я попыталась пройти мимо.

Его пальцы больно впились в кожу, наверняка останутся синяки. Но страшнее физической боли были его слова – они ударили под дых, выбивая воздух из лёгких. Мгновение паники – ледяной, парализующей – сменилось такой яростью, какой я никогда в себе не знала.

– И что ты с ней будешь делать? – я презрительно хмыкнула, высвобождая руку. – Ты, который не помнит, в какой группе она в саду? Который не знает, какие лекарства ей можно, а какие нельзя? Который ни разу не был на родительском собрании?

Он молчал, и в этом молчании читалось поражение. Я подхватила чемодан, чувствуя, как каждая мышца напряглась от тяжести. Физической и эмоциональной.

– Только попробуй, – прошипела я, обжигая его гневным взглядом. – Только попробуй отнять у меня дочь, и я уничтожу тебя. Клянусь, ты пожалеешь, что родился.

Мои слова повисли в воздухе – яростные, беспощадные, не допускающие возражений. Что-то мелькнуло в его глазах – страх? раскаяние? – но мне было всё равно. Я вышла из квартиры, с силой захлопнув за собой дверь. Звук эхом прокатился по пустому подъезду, словно ставя окончательную точку.

Лифт спускался мучительно медленно. Я стояла, судорожно вцепившись в ручку чемодана, и смотрела на своё отражение в зеркале. Бледное лицо, красные пятна на щеках, прядь волос, выбившаяся из хвоста. Воплощение разрухи и отчаяния. Но в глазах – решимость, злость, жажда жизни. «Мы справимся», – беззвучно прошептала я своему отражению. – «Мы сильные. Мы выдержим».

Двери лифта открылись, выпуская меня в холодный и пустой подъезд. Первая осенняя прохлада обволокла меня, когда я вышла на улицу. Жёлтые листья кружились в воздухе, прилипали к влажному от недавнего дождя асфальту. Один упал на чемодан – ярко-красный, с прожилками, похожими на кровеносные сосуды. Я стряхнула его и пошла вперёд, не оглядываясь.

Внезапно я почувствовала странную лёгкость. Словно сбросила с плеч непомерную тяжесть – тяжесть фальшивого брака, неоправданных ожиданий, разочарований, накапливавшихся годами. Впереди была неизвестность – пугающая и одновременно манящая.

«Справлюсь», – думала я, шагая к остановке такси. – «Вы-

держу. Ради Алины. Ради себя».

Небо над головой прояснилось, обещая если не солнечный, то хотя бы сухой день. Я подняла лицо к нему, впервые за долгое время чувствуя не только боль, но и надежду. Тонкую, хрупкую, но настоящую.

Телефон в кармане завибрировал. Я ожидала увидеть имя Кости – извинения, угрозы, обещания. Но на экране высветилось сообщение от Наташи: «Как ты? Всё в порядке? Звони, если нужна помощь».

Простые слова заботы, на которые вдруг захотелось ответить не стандартным «всё нормально», а честно: нет, не в порядке, мне больно, страшно, одиноко. Но я не одна. У меня есть дочь, есть настоящие друзья, есть силы начать всё сначала.

Такси подъехало, и водитель вышел, чтобы помочь с чемоданом. «Куда едем?» – спросил он, захлопывая багажник.

Я на мгновение задумалась. Не к Наташе – нельзя злоупотреблять её гостеприимством. Мне нужно своё место, пусть временное, но своё.

– В гостиницу «Аврора», пожалуйста, – ответила я, вспомнив небольшой отель недалеко от центра. Недорогой, чистый, с завтраками. На первое время подойдёт.

Машина тронулась, унося меня прочь от дома, который больше не был моим. Впереди был долгий путь – бумаги о разводе, поиски квартиры, работы, борьба за алименты, разговор с дочерью… Но сейчас, сидя на заднем сиденье такси,

глядя, как проносятся мимо городские пейзажи, я вдруг почувствовала странное спокойствие. То, что казалось концом, на самом деле было началом.

Я достала телефон и набрала сообщение Наташе: «Забрала вещи. Еду в гостиницу. Потом в банк. Заберу Алину из сада. Вечером расскажу всё».

Помедлив, добавила: «Спасибо, что ты есть».

Отправив сообщение, я откинулась на сиденье и закрыла глаза. За веками стояли слёзы, но теперь они были другими – не слезами отчаяния, а слезами очищения. Боль никуда не делась, но к ней примешивалось что-то ещё – решимость, надежда, вера в себя.

«Мы справимся, Алинка», – мысленно прошептала я. – «Мама обещает».

Глава 4

Такси остановилось напротив центрального отделения банка. Я расплатилась, стараясь не думать о том, как быстро тают мои последние наличные.

Массивные стеклянные двери банка разъехались передо мной, впуская в прохладный кондиционированный воздух, пахнущий полиролью и дорогим парфюмом. Внутри царила деловая атмосфера – клиенты в костюмах, вежливые сотрудники, тихая фоновая музыка. Обычно этот мир вселял в меня уверенность, но сегодня я чувствовала себя здесь чужой. Мятая блузка, наспех собранные волосы, следы недосыпа и стресса на лице – я выбивалась из картины благополучия, которую так старательно выстраивал банк.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – улыбнулась мне девушка-консультант.

– Мне нужно проверить состояние счёта, – мой голос звучал глухо, будто издалека.

Я протянула паспорт и банковскую карту. Девушка что-то быстро проверила в компьютере и повела меня к свободному менеджеру. Обычная процедура, всё как всегда, но внутри нарастало предчувствие беды.

Молодой менеджер с аккуратной бородкой встретил меня профессиональной улыбкой и предложил присесть. Его бейдж гласил: «Антон, персональный финансовый консуль-

тант».

– Что именно вас интересует? – спросил он, быстро печатая что-то на клавиатуре.

– Я хочу узнать, сколько денег осталось на нашем совместном с мужем счёте, – выдавила я, пытаясь сохранить спокойствие. – Мы копили на первоначальный взнос за квартиру.

Несколько щелчков мышью. Пауза. Что-то в выражении его лица изменилось – улыбка стала натянутой, во взгляде промелькнуло сочувствие.

– Извините, но на указанном счёте осталось всего восемь тысяч рублей и двадцать копеек.

Воздух застыл в лёгких. Стены кабинета слегка покачнулись, и я вцепилась в подлокотники кресла с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Этого не может быть, – прошептала я. – Там должно быть больше миллиона. Мы откладывали пять лет.

Антон что-то говорил об истории операций и выписке со счёта, но его слова доходили до меня сквозь шум в ушах. На экране, который он развернул ко мне, я увидела это – перевод на счёт в другом банке, датированный месяцем ранее. Почти вся сумма. Наши мечты, наше будущее, безопасность нашей дочери – всё исчезло одним движением.

– Кто… кто снял деньги? – мой голос дрожал.

– Ваш супруг, Константин Андреевич. Он имеет равные права на этот счёт, – ответил менеджер, явно чувствуя себя неловко. – Хотите распечатку операций?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Тупая, пульсирующая боль расползалась по вискам. Почему? Когда он успел? И главное – куда делись деньги? На что он их потратил?

С распечаткой в дрожащих руках я вышла из банка. Осенний ветер бросил в лицо пригоршню мелких капель дождя. Я не замечала их, всматриваясь в цифры и реквизиты на бумаге. Счёт принадлежал некоему ООО «Стандарт-Авто». Автосалон? Дата операции… Я перечитала её несколько раз, чувствуя, как холодеет кровь. Месяц назад. Именно в те дни, когда у меня украли сумку в «Галерее» и я неделю металась без телефона и карт, блокируя всё подряд, ожидая новые документы. Какое удивительное совпадение. Или вовсе не совпадение? Неужели?..

Внезапное озарение обожгло хуже кипятка. Я достала телефон и быстро нашла в социальных сетях профиль свекрови. Пролистала несколько публикаций и замерла – фотография, сделанная три недели назад. Людмила Викторовна, гордо стоящая рядом с новеньким белым «Лексусом». Подпись гласила: «Мой новый маленький каприз. Спасибо сыночку за заботу!»

Горячая волна ярости ударила в голову, на миг затмив разум. Они украли наши деньги. Деньги, которые должны были пойти на жильё для их же внучки. Купили роскошную машину, пока мы ютились в квартире свекрови, терпя её вечные намёки на то, что «я пришла на всё готовое».

Как часто она любила напоминать мне об этом, пока Костя смущённо улыбался, не решаясь перечить матери: «Тебе повезло, Леночка. Многие годами снимают квартиры, а ты сразу в хоромы попала. К готовому». Каждый раз я сглатывала обиду и отвечала, что мы с Костей обязательно купим своё жильё, и тогда она многозначительно кивала: «Конечно-конечно, только копите усерднее».

А мы и копили. Отказывали себе во всём – не ездили в отпуск, экономили на развлечениях. Всё ради мечты о собственном доме, где не будет свекрови с её едкими замечаниями о том, как я воспитываю дочь, какую еду готовлю, как одеваюсь.

Людмила Викторовна, вдова некогда влиятельного в городе человека, любила намекать на своё положение в обществе. Её муж, Андрей Владимирович, в девяностые был заместителем мэра, имел обширные связи, открыл строительную компанию «Богатырь». После его смерти от инфаркта десять лет назад многое изменилось – капиталы изрядно поуменьшились стараниями её второго мужа, но осталась недвижимость, которую они сдавали в аренду, и фирма, теперь управляемая Костей.

Я вспомнила, как свекровь говорила обо мне своим подругам, думая, что я не слышу: «Простая девочка из Сыктывкара. Откуда ей знать, как вести себя в приличном обществе? Но сын влюбился, ничего не поделаешь.» А ведь я закончила экономический факультет с красным дипломом,

работала в престижной компании, сама построила карьеру. Но для неё я всегда оставалась «простой девочкой», которой посчастливилось выйти замуж за её сына.

Дождь усилился, но я не замечала его, стоя посреди улицы с зажатой в руке распечаткой. В голове крутились обрывки мыслей, планов, воспоминаний. В кармане завибрировал телефон – Наташа. Я должна была забрать Алину из сада через полчаса.

– Алло? – её голос звучал обеспокоенно. – Лен, ты как? Я могу забрать Алинку, если нужно.

– Да, пожалуйста, – выдавила я. – Мне нужно заехать ещё в одно место.

Офис «Богатыря» находился в трёхэтажном здании на окраине города. Современная постройка из стекла и металла, с вывеской, где красовался стилизованный силуэт былинного воина. Здесь работали около пятидесяти человек, и все они знали меня как жену заместителя директора.

Я вошла в просторный холл, стараясь держаться прямо, хотя внутри всё дрожало. Девушка на ресепшн – кажется, Ольга – удивлённо вскинула брови при моём появлении.

– Елена Сергеевна? – она замялась, не зная, как теперь ко мне обращаться. – Константин Андреевич сегодня не появлялся, он…

– Я знаю, – прервала её я. – Мне нужна Людмила Викто-

ровна. Она у себя?

– Да, но она просила не беспокоить, у неё важный разговор с…

Я уже не слушала, направляясь к лестнице. Кабинет свекрови располагался на третьем этаже, в дальнем конце коридора. Должность у неё была номинальная – «советник по стратегическому развитию», но власти больше, чем у самого директора. Все важные решения принимались только с её одобрения.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и я услышала знакомый голос, от которого внутри всё сжалось:

– …машину лучше перерегистрировать сразу, мало ли что. Эта твоя может и в суд подать, с неё станется.

Я распахнула дверь без стука. Людмила Викторовна сидела за массивным столом красного дерева, с телефоном у уха. При моём появлении на её лице отразилась целая гамма эмоций – удивление, раздражение, и затем холодная надменность.

– Я перезвоню, – бросила она в трубку и положила телефон на стол. – Елена? Какой сюрприз. Чем обязана?

Она выглядела безупречно, как всегда – идеальная укладка, дорогой костюм, нитка жемчуга на шее. И этот оценивающий взгляд, которым она смерила меня с ног до головы – потрёпанную, промокшую от дождя, с бледным от гнева лицом.

– Где мои деньги? – мой голос звучал тихо, но твёрдо.

– Прости, что? – она вскинула тонкую бровь, изображая недоумение.

– Миллион двести тысяч, которые мы с Костей копили на квартиру. Деньги, которые он снял месяц назад и которые вы потратили на свой новый «Лексус».

Она откинулась на спинку кресла, сложив руки на груди. На её лице появилась снисходительная улыбка, от которой внутри всё закипало.

– А, ты об этом, – она махнула рукой, словно речь шла о мелочи. – Во-первых, это деньги моего сына, заработанные в семейном бизнесе. Во-вторых, я ничего не крала – Костя сам предложил купить мне машину. И в-третьих, милочка, не понимаю, какие у тебя могут быть претензии, учитывая обстоятельства вашего… расставания.

Каждое слово било, как хлыст, но я не позволила себе показать боль. Вместо этого я положила на стол распечатку из банка.

– Это наши общие деньги. Полтора года из них – моя зарплата. И да, Людмила Викторовна, у меня очень серьёзные претензии. Настолько серьёзные, что разрешать их мы будем в суде.

Её лицо дрогнуло, надменная улыбка слегка поблекла.

– Суд? – она фыркнула, пытаясь скрыть беспокойство. – Не смеши меня. Какой суд? У нас в городе все судьи – старые знакомые ещё со времён Андрея Владимировича. Никто не встанет на твою сторону против семьи Светловых.

Она поднялась из-за стола, подошла к окну, демонстративно повернувшись ко мне спиной.

– И вообще, милочка, скажи спасибо, что мы не поднимаем вопрос о происхождении твоей дочери. Уж больно мало общего у неё с нашим родом. Ни одной фамильной черты.

Эти слова ударили под дых сильнее, чем всё остальное. Намёк был предельно ясен, и от его подлости перехватило дыхание. Я сделала шаг вперёд, вцепившись в край стола, чтобы не упасть.

– Вы на что намекаете? – мой голос дрожал от ярости.

– Ни на что, дорогая, – она обернулась с фальшивой улыбкой. – Просто констатирую факт. У всех Светловых карие глаза и тёмные волосы, а твоя Алина – голубоглазая блондинка. Генетика – удивительная наука, не правда ли?

Мир перед глазами окрасился красным. Я подошла к ней вплотную, чувствуя, как каждая клеточка тела вибрирует от гнева.

– Послушайте меня внимательно, – процедила я сквозь зубы. – Алина – дочь Кости, и вы это прекрасно знаете. А вот что я знаю – так это то, что вы с сыном украли мои деньги. И я вас уверяю, Людмила Викторовна, я вас уничтожу за это. В суде, через приставов, через прокуратуру – неважно. Вы меня ещё запомните.

Она отступила на шаг, в её глазах мелькнул испуг, тут же сменившийся презрением.

– Пустые угрозы, – она скривила губы. – Кто ты такая?

Никто. Приезжая девочка без связей, без денег, без поддержки. Думаешь, у тебя есть шанс против нас?

– У правды всегда есть шанс, – я выпрямилась во весь рост. – И кстати, о связях – мой отец дружил с прокурором области. Может, стоит напомнить ему о старой дружбе? И заодно поинтересоваться, как там обстоят дела с налоговой отчётностью «Богатыря»?

Это был блеф, чистой воды блеф. Мой отец, школьный учитель, никогда не имел связей в областной прокуратуре. Но что-то в моём взгляде, в моей осанке заставило свекровь побледнеть.

– Убирайся отсюда, – прошипела она. – Ты об этом пожалеешь.

– Нет, Людмила Викторовна, – я улыбнулась, удивляясь собственному спокойствию. – Пожалеете вы. И очень скоро.

Я развернулась и пошла к двери, чувствуя, как внутри разгорается что-то новое, незнакомое. Это была не просто злость или обида – это была решимость. Железная, несгибаемая решимость бороться до конца.

– И передайте Косте, – бросила я через плечо, – что я найду хорошего адвоката. Очень хорошего.

Спускаясь по лестнице, я доставала телефон. Руки больше не дрожали. Я знала, что делать дальше. Костя и его мать отняли у меня прошлое, но будущее я им не отдам. Ни за что.

Я открыла поисковик и набрала «семейный адвокат раздел имущества». Десятки ссылок, рекламных объявлений,

юридических контор. Как выбрать в этом море предложений того, кто действительно поможет? Кого-то, кто не испугается фамилии Светловых и их «связей в городе»?

«Юридический центр Правозащита – специализация на семейных спорах и разделе имущества», – гласило первое объявление. Отзывы были неплохие, цены – в пределах того, что я могла себе позволить, если продам украшения, подаренные Костей.

Я нажала кнопку вызова.

– Здравствуйте, – произнесла я, когда на другом конце ответили. – Мне нужна консультация адвоката по бракоразводному процессу и разделу имущества. Желательно сегодня.

Глава 5

Офис юридической компании «Правозащита» оказался скромным – две комнаты в бизнес-центре средней руки, минималистичная мебель, фикус в углу с печально поникшими листьями. Ничего общего с глянцевыми кабинетами из американских фильмов. Но сейчас меня это даже успокаивало – значит, я смогу оплатить услуги этого адвоката.

– Присаживайтесь, Елена Сергеевна, – Максим Игоревич Савельев, мужчина лет сорока с внимательным взглядом и ранней сединой на висках, указал на кресло напротив своего стола. – Расскажите подробнее о вашей ситуации.

Я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями. Последние два дня пронеслись как кошмарный сон – измена, увольнение, гостиница, пустой банковский счёт, оскорбления свекрови. Как уместить весь этот ужас в сухие юридические формулировки?

– Я хочу развестись с мужем, – начала я, стараясь говорить спокойно, хотя в груди всё сжималось от боли и обиды. – У нас четырёхлетняя дочь. И есть… сложности с имуществом.

Адвокат кивнул, что-то помечая в блокноте.

– Какого рода сложности?

– Месяц назад муж снял все наши совместные накопления – больше миллиона рублей – и купил машину. Оформил на свою мать.

Я достала распечатку из банка и положила на стол. Савельев внимательно изучил документ, брови его сдвинулись.

– Это серьёзное нарушение ваших прав как супруги, – сказал он, откладывая бумагу. – Банковский счёт был оформлен на обоих?

– Да. Мы копили на первоначальный взнос за квартиру. Почти пять лет откладывали, отказывали себе во многом. И теперь…

Голос предательски дрогнул. Я закусила губу, пытаясь сдержать подступающие слёзы. Нет, только не это. Не здесь, не сейчас. Я не имею права раскисать, когда на кону будущее Алины.

– У меня есть снимки экрана переписки с мужем, где мы обсуждаем покупку квартиры, – продолжила я, справившись с эмоциями. – А ещё справка о доходах. Примерно треть накоплений – это мои зарплаты.

Савельев что-то записал, кивая своим мыслям.

– Хорошо, это нам пригодится. А теперь расскажите о других нюансах – есть ли ещё совместно нажитое имущество? Как обстоят дела с жильём? Кто будет претендовать на опеку над ребёнком?

Я кратко изложила ситуацию – квартира, в которой мы жили, принадлежит свекрови, совместных крупных приобретений, кроме машины мужа и бытовой техники, нет. О возможных претензиях Кости на опеку говорить было больно, но я заставила себя озвучить и этот страх.

– Он угрожал отобрать у меня дочь, – слова давались с трудом, каждое ощущалось как острое лезвие в горле. – Сказал, что заберёт Алину. Но он… он практически не участвует в её воспитании. Не знает ни режима дня, ни её предпочтений в еде, ни имён воспитателей в саду. Даже к врачу ни разу не водил.

– У вас есть доказательства этого? – спросил адвокат.

– Доказательства? – я растерялась. – Какие доказательства могут быть у повседневного пренебрежения? У того, что он просто… не был рядом?

Максим Игоревич понимающе кивнул.

– Можно собрать свидетельские показания – воспитателей, соседей, друзей семьи. Можно запросить информацию из поликлиники о том, кто приводил ребёнка на приёмы. В крайнем случае, можно ходатайствовать о психологической экспертизе – посмотреть, к кому ребёнок больше привязан. Но не будем забегать вперёд – пока нет оснований полагать, что ваш муж действительно будет бороться за опеку.

– Как это? – я удивилась. – Он же прямо сказал…

– В моей практике таких случаев множество, – адвокат устало улыбнулся. – Мужчины часто угрожают отобрать детей в порыве гнева, в качестве рычага давления. Но как только доходит до реальной ответственности – ежедневной заботы, расходов, сокращения личной свободы – их пыл угасает. Впрочем, нужно быть готовыми ко всему.

Он открыл ноутбук и начал что-то печатать.

– Итак, во-первых, нам нужно подать исковое заявление о расторжении брака. Во-вторых – требование о разделе совместно нажитого имущества, включая незаконно снятые средства. В-третьих – иск об определении места жительства ребёнка с вами и взыскании алиментов.

Каждый пункт отзывался в груди болезненным эхом. Эти сухие юридические формулировки обозначали конец целой жизни, конец мечтам, надеждам, планам. Я никогда не думала, что однажды окажусь в кабинете адвоката, обсуждая алименты и раздел имущества.

– А если суд… если суд встанет на его сторону? – тихо спросила я, озвучивая свой главный страх. – Его мать говорит, что у них связи везде, что все судьи – их знакомые…

Савельев оторвался от ноутбука. В его взгляде появилась сталь.

– Елена Сергеевна, – он наклонился вперёд, – я не буду врать, связи и деньги иногда влияют на правосудие. Но с другой стороны, у нас есть закон. И у нас есть доказательства. Если одна инстанция вынесет несправедливое решение – мы пойдём в следующую. И в следующую. Главное – не отступать.

Его уверенность немного успокоила меня. Я кивнула, распрямляя плечи.

– Мне нужно знать, на какие расходы рассчитывать, – сказала я. – У меня сейчас нет работы и немного сбережений. Но я готова продать украшения, если понадобится.

Мы обсудили финансовые вопросы – гонорар оказался весомым, но не непосильным. Придётся затянуть пояс потуже, но ради Алины я была готова на всё.

– И последнее, о чём я хочу предупредить, – сказал Савельев, когда мы завершали встречу. – Будьте готовы к грязным приёмам. Если ваша свекровь действительно так влиятельна и настроена против вас, они могут попытаться очернить вашу репутацию, представить вас плохой матерью. Могут следить за вами, провоцировать на конфликты. Поэтому – никаких срывов, никаких эмоциональных сцен. Документируйте каждый контакт с мужем и свекровью, записывайте разговоры, сохраняйте сообщения. Всё может пригодиться.

По спине пробежал холодок. Мысль о том, что за мной могут следить, была тревожной. Но я понимала – адвокат прав. Теперь каждый мой шаг должен быть выверенным, каждое слово – обдуманным.

– Я буду осторожна, – пообещала я.

На улице моросил мелкий дождь, превращающий город в размытую акварель. Я шла к остановке, крепко сжимая папку с документами, которые дал мне Савельев. Внутри перемешивались страх и решимость, тревога и надежда.

Телефон в кармане завибрировал. Наташа – она забрала Алину из сада и теперь ждала моих указаний. Я быстро набрала сообщение: «Скоро буду. Купи, пожалуйста, молока и печенья. Верну деньги вечером».

Гостиничный номер за два дня стал почти обжитым – рас-

киданные игрушки Алины, её рисунки на тумбочке, мои вещи, аккуратно развешенные в шкафу. Временное пристанище, но уже не чужое.

Дочка встретила меня радостным визгом, бросившись на шею так стремительно, что я чуть не упала. Её маленькие ручки обвились вокруг моей шеи, тёплое дыхание щекотало ухо.

– Мамочка, мы с тётей Наташей кашу варили! И она получилась с комочками, но мы всё равно её съели, потому что настоящие принцессы не привередничают!

Я крепко обняла её, зарываясь носом в пахнущие карамельным шампунем волосы. Ради этих объятий, ради этого голоса стоило бороться. Стоило проходить через все круги ада, которые ещё ждали впереди.

Наташа деликатно собиралась, давая нам время побыть вдвоём. Я проводила её до двери и крепко обняла.

– Спасибо тебе, – прошептала я. – Без тебя я бы не справилась.

– Ты справишься со всем, – она тепло улыбнулась. – Ты сильнее, чем думаешь.

После ужина мы с Алиной устроились на кровати, читая её любимую сказку о драконе, который боялся летать. История о преодолении страха, о вере в себя, о помощи друзей. Как символично, подумала я, перелистывая страницы. Мы все драконы, которые боятся расправить крылья.

Когда дочка уснула, свернувшись калачиком и обняв плю-

шевого зайца, я села за стол, разложив перед собой документы. Исковое заявление о расторжении брака – первый шаг к новой жизни. Я взяла ручку и начала заполнять бланк, стараясь, чтобы почерк не дрожал.

Фамилия ответчика – Светлов. Несколько лет назад я с гордостью взяла эту фамилию, считая, что она символизирует начало нашей семьи. Теперь каждая буква отзывалась болью.

Причина развода – «невозможность дальнейшего совместного проживания и сохранения семьи». Такая сухая, формальная фраза. А за ней – слёзы, крики, предательство, разбитые мечты, осколки доверия, которое уже не склеить.

Работа над документами затянулась далеко за полночь. Я проверяла каждую строчку, каждую запятую, понимая, что от этих бумаг зависит моё будущее, будущее Алины. Свекровь предупредила – противостоять нам будут серьёзно, и любая ошибка может стоить слишком дорого.

Закончив с бумагами, я невольно поймала своё отражение в зеркале над столом. Осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, напряжённая складка между бровей. Я выглядела старше, жёстче, будто за эти несколько дней прожила целую жизнь. В каком-то смысле так и было – жизнь, которую я знала, закончилась.

Слёзы подступили к горлу предательским комком, но я решительно смахнула их. Хватит. Хватит плакать о прошлом, о предательстве, о несбывшихся мечтах. Нужно ду-

мать о будущем – моём и Алинином.

Я подошла к окну, вглядываясь в ночной город. Где-то там, в паре километров отсюда, наша бывшая квартира. Интересно, Костя уже привёл туда свою секретаршу? Или они снимают отдельное жильё? А впрочем, какая разница. Это больше не моя жизнь, не мои проблемы.

В темноте ночи городские огни казались разноцветными звёздами. За одними окнами люди праздновали, за другими – ссорились, за третьими – любили друг друга, веря, что их любовь продлится вечно. Я тоже когда-то верила.

Телефон зазвонил так неожиданно, что я вздрогнула. Номер Кости. Сердце предательски забилось быстрее, дыхание перехватило. Во мне боролись два желания – швырнуть телефон в стену или ответить и высказать ему всё.

Я глубоко вдохнула, вспоминая наставления адвоката. Никаких эмоциональных срывов. Всё фиксировать. Быть умнее, хитрее, расчётливее.

– Алло? – мой голос звучал неожиданно спокойно.

– Лена? – в его тоне слышалась неуверенность. – Нам надо поговорить.

– О чём? – я включила громкую связь и диктофон на втором телефоне, который купила сегодня после встречи с адвокатом. Савельев посоветовал использовать отдельный аппарат для связи с бывшим и свекровью.

– Не валяй дурака, ты знаешь, о чём, – нервно бросил он. – Мать сказала, ты к ней приходила, угрожала судом. Это прав-

да?

– Да, – коротко ответила я. – Я видела выписку со счёта. И видела машину твоей мамы.

На том конце наступила тяжёлая пауза. Я почти видела, как он трёт переносицу – жест, который всегда выдавал его нервозность.

– Послушай, я могу всё объяснить…

– Поздно, Костя. Завтра я подаю на развод. И на раздел имущества. И на алименты.

– Лена! – в его голосе послышались панические нотки. – Давай встретимся, поговорим как взрослые люди. Зачем сразу в суд? Это же бессмысленная трата времени и денег.

– Для кого бессмысленная? – я почувствовала, как внутри поднимается волна гнева, но удержала её. – Для тебя? Или для твоей матери?

– Ты не понимаешь, – он перешёл на шёпот, видимо, не желая, чтобы кто-то слышал их разговор. – Мама сейчас в тяжёлом положении, ей нужна была эта машина для…

– Для чего, Костя? – перебила я. – Для того, чтобы ездить в магазин? Или хвастаться перед подругами? Вы украли деньги, наши накопления на квартиру. Деньги, которые предназначались нашей же дочери. И теперь ты хочешь, чтобы я что – простила и забыла?

– Ты делаешь из мухи слона! – его голос стал жёстче. – Это всего лишь деньги, мы заработаем ещё.

– Мы? – горько усмехнулась я. – Больше нет никакого

«мы», Костя. Ты предал меня – дважды. Сначала изменил с секретаршей, потом украл наши накопления. О каком «мы» ты говоришь?

Он тяжело вздохнул.

– Хорошо, пусть будет суд. Только учти – моя мать не станет сидеть сложа руки. У отца были связи по всему городу, ты же знаешь.

Угроза прозвучала завуалированно, но явно. Я почувствовала, как внутри всё сжалось от страха, но не позволила этому страху проникнуть в голос.

– Я знаю, что у вас связи, Костя. И знаю, что вы попытаетесь использовать их против меня. Но знаешь, что ещё я знаю? Что правда на моей стороне. И что я буду бороться до конца – за себя и за Алину.

– Алина, – он словно попробовал имя на вкус. – Кстати, об Алине. Я хочу её видеть. Это мой ребёнок, и я имею полное право.

Сердце сжалось от боли, но я сохранила спокойствие.

– Конечно, ты имеешь право, – согласилась я. – Закон это гарантирует. Но и у меня есть право требовать, чтобы эти встречи были структурированными и безопасными для ребёнка. Не с твоей секретаршей, не с твоей матерью – только ты и Алина. В общественном месте, по заранее согласованному расписанию.

– Ты не можешь мне указывать! – взорвался он.

– Могу, Костя. Потому что ты доказал, что тебе нельзя

доверять. И я не позволю использовать нашу дочь как пешку в твоих играх.

Он выругался – грязно, зло, совсем не похоже на того Костю, которого я когда-то любила. Впрочем, может, я никогда его по-настоящему и не знала?

– Ладно, пусть будет по-твоему, – наконец процедил он. – Но не думай, что это конец. Ты ещё пожалеешь, что затеяла эту войну.

– Это не я её затеял, – тихо ответила я. – И не я украла деньги своего ребёнка. Спокойной ночи, Костя.

Я нажала кнопку отбоя и остановила запись на диктофоне. Руки дрожали, но не от страха – от адреналина. Да, они могущественны. Да, у них связи и деньги. Но у меня есть решимость, и я не отступлю.

Я вернулась к столу и аккуратно сложила заполненные документы в папку. Завтра начнётся новый этап моей жизни – жизни без Кости, без его семьи, без их токсичного влияния. Жизни, в которой я буду сама определять свой путь.

Алина тихо посапывала в кровати, и я присела рядом, глядя на её безмятежное личико. Смешные веснушки на носу, длинные ресницы, чуть приоткрытые во сне губы. Самое дорогое, что у меня есть. Единственное, ради чего стоит бороться.

– Мы справимся, малышка, – прошептала я, нежно касаясь её волос. – Обещаю.

Глава 6

Районный суд встретил меня серыми стенами, пожелтевшими объявлениями и запахом пыльных бумаг. Люди с напряжёнными лицами сидели на скамейках вдоль коридора – такие же, как я, с папками документов на коленях и тревогой в глазах. У некоторых были адвокаты, говорившие вполголоса, иногда сверяясь с бумагами. Большинство сидели в одиночестве, погружённые в свои мысли.

Я крепче сжала папку, пытаясь унять дрожь в пальцах. Две недели подготовки документов, бессонных ночей и консультаций с Савельевым привели меня сюда – в место, где решалась судьба моего будущего и будущего Алины.

– Присядьте, Елена Сергеевна, – Максим Игоревич указал на свободную скамью. – У нас ещё двадцать минут до заседания. Давайте ещё раз пробежимся по основным моментам.

Я кивнула, открывая папку. Савельев выглядел безупречно – строгий тёмно-синий костюм, идеально повязанный галстук, начищенные до блеска туфли. Я тоже постаралась соответствовать – надела единственное формальное платье, которое успела забрать из квартиры, скромные серьги, минимум макияжа. Важно произвести впечатление серьёзной, уравновешенной женщины, объяснил адвокат. Никакой истерики, никакой пассивности. Только уверенность и спокойствие.

– Сегодня только предварительное слушание, не волнуйтесь, – напомнил он, просматривая документы. – Это формальность. Судья определит порядок разбирательства, мы обозначим свои позиции. Основная битва ещё впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.